

Преподобная Елена Дивеевская

Память:
10 и 27 июня
Переходящее: 10 сентября

Елена Васильевна Мантурова была дворянского рода и проживала недалеко от Саровской пустыни в родительском имении в селе Нуча. Она была веселого нрава и о духовном не имела никакого понятия. Но неожиданное происшествие полностью переменило ее жизнь. В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии ей явился огромный страшный змий. Он был черен и страшно безобразен, из его пасти выходило пламя, и пасть казалась такой большой, что ей показалось, будто змий поглотит ее. Змий спускался ниже и ниже, Елена Васильевна уже ощущала его дыхание, и тогда она закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву, никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!» Страшный змей тотчас взвился вверх и исчез.

После этого Елена Васильевна совершенно изменилась, она стала серьезная, духовно настроенная и стала читать священные книги.

Мирская жизнь была ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь и совсем затвориться в нем. Она поехала в Саров к отцу Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка же сказал: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь — нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» — «Что это вы, батюшка! — испуганно сказала Елена Васильевна. — Ни за что не пойду замуж, я не могу, дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня!» — «Нет, радость моя, — продолжал старец, — отчего же тебе не выйти замуж! Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут! Нет, ты и не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!»

Елена Васильевна уехала огорченная и, вернувшись домой, много молилась, плакала, просила у Царицы Небесной помощи и вразумления. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя и все более и более убеждалась, что все светское, мирское ей не по духу, и она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила к отцу Серафиму, но он твердил, что она должна выйти замуж, а не идти в монастырь. Так целых три года готовил ее батюшка Серафим к предстоящей перемене в ее жизни и к поступлению в Дивеевскую общину. И наконец он сказал ей: «Ну, что ж, если уж тебе так хочется, то пойдешь, вот за двенадцать верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости там, радость моя, и испытай себя!» Елена Васильевна в радости поехала из Сарова прямо в Дивеево. В ту пору ей было двадцать лет.

Через месяц после приезда Елены Васильевны в Дивеево ее потребовал к себе батюшка Серафим и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Елена Васильевна, испуганная, зарыдала и воскликнула: «Не хочу я замуж, батюшка!» Но отец

Серафим успокоил ее, говоря: «Ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице-то Ксении Михайловне, что я приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежду одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!»

И добавил: «Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафья Семеновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила и ты подражай ей так же, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу, вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда акафист, Псалтирь, псалмы и правила с утреней отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая сестра тебе все приготовляет, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать, пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы и то «аки с трудом», а станут много спрашивать, отвечай: «Я не знаю!» Если случайно услышишь, что кто не полезное между собой говорит, скорее уходи, «дабы не внити во искушение». Никогда не будь в праздности, оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль, всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня грешную!», а от обеда до сна: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше мужайся; так молитвой, вечно-неразлучной молитвой и приготовляй все. Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенок, как Екатерине-то великомученице матушке. Так вот три года и приготовляйся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; чрез три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно, а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: «Се раба Господня! Буди мне по глаголу твоему!» Тогда вот и ты скажи также: «Буди мне по глаголу твоему!» Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все мною реченное тебе сбудется, радость моя!»

Не помня себя от радости, Елена Васильевна возвратилась домой, в Дивеево, и, надев все монашеское, простое, начала с любовью нести прежние свои подвиги, пребывая в непрестанной молитве, в постоянном созерцании и совершенном молчании.

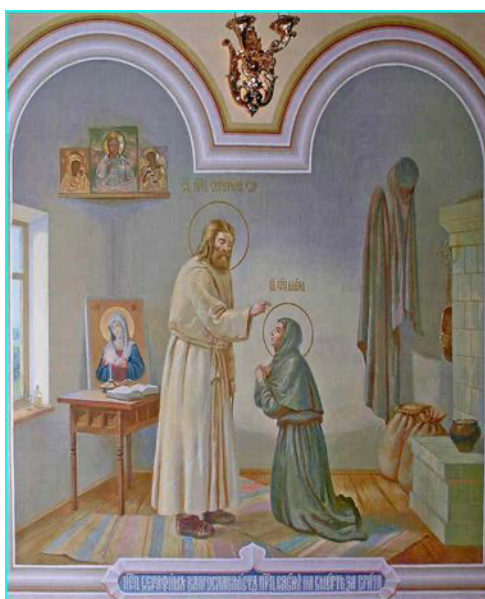
Преподобный Серафим желал назначить Елену Васильевну начальницей своей Мельничной обители. Когда батюшка в восторге объявил ей об этом, Елена Васильевна страшно смутилась. «Нет, не могу, не могу я этого, батюшка! — ответила она прямо. — Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницей — не желаю и не могу я быть, батюшка!» Несмотря на это, отец Серафим впоследствии, когда устроилась мельница и он перевел в нее семь первых девушек, приказал во всем им благословляться и относиться к Елене Васильевне, хотя она так и осталась до самой смерти своей жить в Казанско-церковной общинке. Это до такой степени смуцало юную подвижницу, что даже и перед смертью своей она твердила, как бы в испуге: «Нет, нет, как угодно батюшке, а в этом не могу я его слушаться; что я за начальница! Не знаю, как буду отвечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, и послушать его в этом никак не могу!» Однако отец Серафим все время поручал ей всех присылаемых им сестер и, говоря о ней, называл всегда «Госпожа ваша! Начальница!»

Елена Васильевна, несмотря на то, что считалась начальницей Мельничной обители, всегда трудилась и несла послушания наравне с прочими сестрами. Когда батюшка Серафим благословил сестер копать Канавку по указанию Царицы Небесной, он говорил проходящим к нему сестрам, указывая на ее старание и труды: «Начальница-то, госпожа-то ваша, как трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашик, палатку из холста, чтоб отдохнула в ней госпожа-то ваша от трудов!»

Необыкновенно добрая от природы, она творила добро тайно. Зная нужду многих бедных сестер, а также нищих, она раздавала им все, что имела и что получала от других, но незаметным образом. Бывало, идет мимо, или в церкви, и даст кому-нибудь, говоря: «Вот, матушка, такая-то просила меня передать тебе!» Вся пища ее заключалась обыкновенно в печеном картофеле да лепешках, которые висели у нее на крылечке в мешочке. Сколько их ни пекли, всегда не хватало. «Что за диво! — говорила, бывало, ей сестра-стряпуха. — Сколько лепешек тебе наложила, куда же девались они?» — «Ах, родная, — кротко ответит ей Елена Васильевна, — ты уж прости меня Христа ради, матушка, да не скорби на меня; что же делать, слабость моя, уж очень я люблю их, вот все и поела!» Спала она на камне, прикрытом лишь плохим ковриком.

Со времени освящения Рождественских храмов батюшка Серафим назначил Елену Васильевну церковницей и ризницей, для этого он попросил Саровского иеромонаха отца Илариона постричь ее в рясофор, что и было исполнено.

Она безвыходно пребывала в церкви, читала по шести часов кряду Псалтирь, так как мало было грамотных сестер, и ночевала поэтому в церкви, немного отдыхая на камне где-нибудь в сторонке на кирпичном полу.

Непостижима ее кончина. По благословию батюшки Серафима вылеченный им от тяжелой болезни брат Елены Васильевны Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей и, сохранив до времени деньги, поселился на купленной Еленой Васильевной земле со строжайшей заповедью: хранить ее и завещать после смерти Серафимовой обители (впоследствии на этой земле в 1848 году был заложен, а к 1875 году построен и освящен в честь Святой Троицы главный собор Дивеевской

обители). Всю жизнь Михаил Васильевич Мантуров терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, всего себя и всю свою жизнь предав в руки преподобного Серафима. А батюшка все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному; все это знали и свято чтили Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как распорядителю самого батюшки.

Когда Михаил Васильевич Мантуров заболел злокачественной лихорадкой, и эта болезнь была к смерти, отец Серафим призвал к себе Елену Васильевну и сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?» — «Я всегда вас слушала, — ответила она, — и всегда готова вас слушать!» — «Вот, видишь ли, матушка, — продолжал старец, — Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас и пришло время ему умирать и умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!» — «Благословите, батюшка!» — ответила Елена Васильевна смиренно и как будто спокойно. Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая ее сердце и касаясь вопроса смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна молча все слушала, но вдруг смутилась и произнесла: «Батюшка! Я боюсь смерти!» — «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя! — ответил о. Серафим. — Для нас с тобою будет лишь вечная радость!»

Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану!» Однажды вся изменившись в лице, она радостно воскликнула: «Святая Игуменья! Матушка, обитель-то нашу не оставь!..» Во время своей последней исповеди умирающая поведала, какого видения и откровений она была раз удостоена. «Я не должна была ранее рассказывать это, — объяснила Елена Васильевна, — а теперь уже могу! В храме я увидела в раскрытых Царских дверях величественную Царицу неизреченной красоты, которая, призывая меня ручкой, сказала: „Следуй за Мной и смотри, что покажу тебе!“ Мы вошли во дворец; описать красоту его при полном желании не могу вам, батюшка! Весь он был из прозрачного хрусталя и двери, замки, ручки и отделка — из чистейшего золота. От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел. Только подошли мы к дверям, они сами собой отворились и мы вошли как бы в бесконечный коридор, по обеим сторонам которого были все запертые двери. Приблизясь к первым дверям, которые тоже при этом сами собой раскрылись, я увидела огромный зал; в нем были столы, кресла и все это горело от неизъяснимых украшений. Он наполнялся сановниками и необыкновенной красоты юношами, которые сидели. Когда мы вошли, все молча встали и поклонились в пояс Царице. „Вот, смотри, — сказала

Она, указывая на всех рукой, — это Мои благочестивые купцы..." Следующий зал был еще большей красоты, весь он казался залитым светом! Он был наполнен одними молодыми девушками, одна другой лучше, одетыми в платья необычайной светлости и с блестящими венцами на головах. Венцы эти различались видом, и на некоторых было надето по два и по три. Девушки сидели, но при нашем появлении все встали молча, поклонились Царице в пояс. „Осмотри их хорошенько, хороши ли они и нравятся ли тебе", — сказала Она мне милостиво. Я стала рассматривать указанную мне одну сторону зала, и что же, вдруг вижу, что одна из девиц, батюшка, ужасно похожа на меня!» Говоря это, Елена Васильевна смутилась, остановилась, но потом продолжала: «Эта девица, улыбнувшись, погрозила на меня! Потом, по указанию Царицы, я начала рассматривать другую сторону зала и увидела на одной из девушек такой красоты венец, такой красоты, что я даже позавидовала! — проговорила Елена Васильевна вздохнув. — И все это, батюшка, были наши сестры, прежде меня бывшие в обители, и теперь еще живые, и будущие! Но называть их не могу, ибо не велено мне говорить. Выйдя из этого зала, двери которого за нами сами же затворились, подошли мы к третьему входу и очутились снова в зале несравненно менее светлом, в котором также были все наши же сестры, как и во втором, бывшие, настоящие и будущие; тоже в венцах, но не столь блестящих и называть их мне не приказано. Затем мы перешли в четвертый зал, почти полумрачный, наполненный все также сестрами, настоящими и будущими, которые или сидели, или лежали; иные были скорчены болезнью и без всяких венцов со страшно унылыми лицами, и на всем и на всех лежала как бы печать болезни и невыразимой скорби. „А это нерадивые! — сказала мне Царица, указывая на них. — Вот они и девицы, а от своего нерадения никогда не могут уже радоваться!"»

Она скончалась накануне праздника Пятидесятницы, 28 мая 1832 года, двадцати семи лет от рождения, пробыв в Дивеевской обители всего семь лет. На другой день, в саму Троицу, во время заупокойной литургии и пения Херувимской песни, воочию всех предстоящих в храме покойная Елена Васильевна, как живая, три раза радостно улыбнулась в гробу. Батюшка говорил: «Душа-то ее как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились! Она удостоилась сидеть недалеко от Святыя Троицы аки дева!»

Елену Васильевну похоронили рядом с могилой первоначальницы матушки Александры, с правой стороны Казанской церкви. В эту могилу не раз собирались похоронить многих мирских, но матушка Александра, как бы не желая этого, совершала каждый раз чудо: могила заливалась водой и хоронить делалось невозможным. Теперь же та могила осталась сухой, и в нее опустили гроб праведницы и молитвенницы Серафимовой обители.

Елена Васильевна была чрезвычайно красивой и привлекательной наружности, круглолицая, с быстрыми черными глазами и черными же волосами, высокого роста.

Тропарь, глас 1:

Добродетельми кротости, смирения и воздержания просиявшая, таинственная начальнице Мельничная Общины в Дивееве явила еси преподобная мати наша Елено, даже до смерти в совершении послушании Старцу Серафиму пребыла еси и Господа лицезрети сподобилася еси, испроси и нам дерзновение Ему Единому служити во спасение душ наших.

Кондак, глас 5:

В монашестве благочестно поживши и в юных летех путь свой скончавши, послушанием, постом и молитвою вечно-неразлучною к сретению Жениха себе предуготовившая, богомудрая Елено, молим тя: от бед избави нас твоими молитвами, блаженная.

Текст: сайт «Монастырский Вестник».